

чертами лица, с постоянно насмешливым взглядом карих глаз — таким я его помню до сих пор.

К нам Грузинов пришел бывалым, обстрелянным воином. До этого сражался в группе отважного офицера Вихмана, где заслужил славу человека, не знающего страха. Родился он в Грозном. До войны работал на телефонной станции. Я не знаю, служил ли Жора во флоте. Но не в этом дело. Все считали его моряком, и он всеми силами поддерживал свою репутацию «старого морского волка». В его облике, в поведении были именно те черты молодцеватости, лихости и своеобразного шика, которые отличают моряков. Матроны, находившиеся в отряде, считали, что у Жоры истинно морская душа.

У партизан, как известно, не было определенной формы. Мы были одеты довольно скверно: всякий носил одежду, какую мог достать. Самые разнообразные костюмы носил и Жора. Но во что бы он ни одевался — полосатая тельняшка на широкой груди была неизменна.

Была у Жоры еще одна привычка: он любил говорить не просто, а как-то замысловато, с шутками и остротами, с «подначкой» (известная слабость одесситов). Многие поэтому считали, что он родом из Одессы, а Жора не разуверял их.

Когда Грузинов появился в отряде, вслед за ним пришли рассказы о его боевых делах. Это были даже не рассказы, а полулегенды, где трудно было отличить правду от вымысла. Рассказывали, как однажды ночью Жора пробрался в немецкий штаб и выкрад у офицера, спавшего в кресле, планшет с картой. На карте был нанесен план операции по разгрому партизан. Эта карта помогла партизанам разгадать замысел врага и уйти из-под удара. Говорили про бои, в которые Грузинов ходил с тро-

Георгий Грузинов.

фейной гармоникой. Этому мы тоже верили, так как Жора любил музыку и песни. Бывало, он не скажет «мы разгромили группу немцев», а «мы дали гадам такой концерт». Если какое-нибудь серьезное задание поручали не ему, Жора, возмущаясь, говорил:

— Товарищ командир! Что происходит на белом свете? Кого вы послали на эти чудные гастроли? Да они не смогут устроить даже эстрадного концерта, не говоря о симфоническом.

Среди партизан шла молва, что Жора заколдован и его не берут ни осколки, ни пули. В колдовство, конечно, никто не верил, но факт оставался фактом — Жора не имел ни единой царапины, хотя всегда находился в самых опасных местах боя.

Вокруг Жоры собралась крепкая группа молодых партизан, преимущественно бывших моряков. Этой группе мы давали самые ответственные, самые опасные задания, и они всегда выполнялись блестяще.

Слава «о Жоре из Бахчисарайского отряда» разносилась по крымским лесам, а любовь партизан к нему превращалась в обожание. Я, как командир, тоже гордился тем, что в отряде есть люди, способные на самую дерзкую операцию.

Никто из нас в пылу боевой жизни не заметил момента, когда Грузинов, как говорится, свернул не на ту дорожку. В его группе что-то изменилось, изменился и он сам. Если раньше он вел себя как равный среди равных, то теперь стал относиться к друзьям пренебрежительно. Мало того, некоторых партизан он держал в зависимости и страхе. У него появилось стремление повелевать, и, если кто возражал, он сурово глядел на него и произносил: «Ша, замолкни!» И тот затихал. Дальше — больше. Появились факты недисциплинированности, неточного выполнения приказов, своевольства. Даже со мной Жора начал говорить другим тоном:

— А что, собственно говоря, произошло? — отвечал он на мое замечание о небрежно сделанной разведке. — Зачем вам понадобились эти халупы, если там никого нет и незачем их разведывать? Если хотите — я их разнесу в пух и прах безо всякой волынки.

Однажды я услышал, как в споре с партизанами Грузинов сказал:

— Послушай, ты, лопух! Разве ты умеешь воевать? Вспомни прошлую операцию. Халтурная работа. Кля-

нусь Черным морем — без Жорки Грузинова вы пропадете, как грудные младенцы...

Было ясно, что слава вскружила Жорке голову, что это к хорошему не приведет и рано или поздно дело кончится плохо. Нигде так не опасно головокружение от успеха, как в условиях партизанской жизни. Как спасти этого замечательного, ценного для отряда человека? Вот над чем задумались я, комиссар отряда и начальник разведки.

Все, что происходило в то время, когда группа Грузинова выполняла задание, выяснить было трудно. Группа и жить стала как-то обособленно, в случае чего все стояли друг за друга. Это была уже не боевая дружба, а круговая порука. Жора перестал бояться и взысканий — был уверен, что такого смельчака и героя, как он, наказывать не станут. И действительно, наказать его было трудно. Бывало, узнаем о каком-нибудь проступке, начнем выяснять подробности. Опросим десяток партизан, и выйдет, что не проступок совершил Жора, а чуть ли не подвиг. Пока суд да дело, начнется бой, в котором группа Грузинова снова проявит себя с самой лучшей стороны. И история с проступком забывается.

Так шло время. С продуктами питания у нас по-прежнему было очень трудно. Самолеты сбрасывали нам гондолы с продовольствием. Мы находили их в лесу и строго поровну делили еду. Бывали случаи, когда один или два парашюта относило в сторону и гондолы терялись. Мы думали, что они попадали к немцам.

Однажды облачная погода стояла больше недели. Продукты у нас кончились, мы питались корой, орехами и ягодами. Голодал вместе со всеми и я. Как-то вечером ко мне в землянку вошел Жора, вытащил из кармана два больших сухаря, пачку концентратов пшеничной каши и молча положил на стол.

— Откуда? — строго спросил я.

— Подкрепитесь, товарищ командир. Это мои орлы сэкономили.

— Жора, скажи честно — откуда? Может, вы нашли утерянную гондолу и утаили?

— Нет, мы сэкономили. Наплюйте мне в очи, если утаили!

Я отодвинул сухари.

— Выходит — отказываетесь, не берете, думаете, ворованные? Обижаете нас, товарищ командир!

— Я тебе верю, Жора. А не беру потому, что и я кое-что сэкономил. Если ты смог сэкономить, то чем я хуже тебя?

Жора ушел, а мне стало ясно, что самое страшное, чего я так опасался, случилось: наш общий любимец совершил преступление, которое каралось у партизан наравне с изменой. У меня не было доказательств, но я их должен был найти. Иначе дело могло кончиться печально не только для Жоры, но и для всего отряда. Если одна гондола припрятана, это не останется для партизан тайной, и в следующий раз то же попытаются сделать другие. И тогда прощай дисциплина и дружба, начнется рознь, грызня, отряд погибнет.

Вскоре погода снова стала летной, и сразу же над лесом появился самолет. Он принял наши сигналы, покачал крыльями, и над землей поплыли белые бутончики парашютов. Мы насчитали 12 штук и засекли направления, куда они опустились. В каждое направление послали по группе. Через несколько часов к штабу стали подносить продукты. Но гондол оказалось не 12, а только 11. Я хорошо запомнил, что на южной стороне приземлилось 4 гондолы. В этом направлении пошла группа Грузинова. Она вернулась позднее всех и принесла только три гондолы. Я вызвал Жору и начал разговор:

— Ты, Жора, такой же партизан, как и все. Неужели ты думаешь, что я или кто-то другой воюет хуже тебя? Все мы одинаково бьем врага, но только остальные делают это честно, а ты... Где четвертая гондола?

— Пусть я буду проклят, если там было четыре гондолы. Только три.

— Врешь, Жора! Где четвертая?

— Вы думаете, я сковал четвертую гондолу в свой левый карман, словно зажигалку? Обыщите меня. Я все делаю для отряда, лезу к немцам на рожон, и никто в отряде не скажет, что Жорка Грузинов вор.

— Хорошо, спросим. Только позднее,—согласился я.

Прошло три дня. Все партизаны (кроме группы Грузинова) искали пропавшую гондолу. Она исчезла бесследно. Многие приглядывались к поведению Жоры и его друзей, но ничего подозрительного не было замечено. А среди партизан пошли нехорошие разговоры, будто Жорку хотят выжить из отряда, потому что кто-то (понимай: командиры) завидует его славе.

Мы не могли ничего предпринять, ибо у нас не было

никаких фактов. Но и оставить это без внимания мы не имели права. Тогда я решил сам на время стать следователем. Утром вызвал ординарца, приказал ему.

— Передай Грузинову, чтобы выделил из своей группы одного партизана для охраны штаба.

Через несколько минут у штаба появился Костя Кособродов. Он заступил на пост. Несколько позднее по моему же приказу группу Грузинова отправили на задание.

Прежде чем рассказывать дальше, я сделаю маленькое отступление. У нас в отряде самым суровым наказанием за провинность считался «дубовый арест». Обычно около штаба выбирали дуб (или другое дерево) и пронившегося ставили к нему под охраной автоматчика на сутки, трое или пять. Арестованный не получал ни воды, ни еды. Эта мера наказания была, может быть, очень жестокой, но в то время она себя оправдывала.

Так вот, перед тем как группе Грузинова возвратиться с задания, я приказал арестовать Костя Кособродова и поставить к дубу под охраной двух автоматчиков. Костя был испуган, так как ему не объяснили причины ареста.

Когда Жора вернулся и пришел докладывать мне о выполнении задания, я посадил его спиной к дубу, сел рядом и сказал:

— Скажи, Жора, как мне теперь поступить? За воровство полагается расстрел...

— При чем тут я?

— Посмотри назад. Костя во всем признался...

(На самом деле Костя ни в чем не признавался.)

Жора оглянулся и, увидев Кособродова, стоявшего у дуба между двух автоматчиков, побледнел. Он поднялся, снял с плеча автомат и, подавая его мне, сказал тихо:

— Я виноват, Михаил Андреевич. Воля ваша: делайте со мной, что заслужил.

— Но ты хотел, чтобы мы спросили у твоих товарищ. Вот теперь пора пришла. Что они скажут — то и будет, — сказал я.

Законы партизанской жизни суровы. Помню, как в одном из соседних с нами отрядов за десяток украденных сухарей расстреляли совсем еще юного паренька. Его звали, если не ошибаюсь, Василек. Произошло это на моих глазах, и я тогда в душе осудил жестокость командира. И вот теперь что-то подобное случилось у нас. Как командир отряда я обладал всей полнотой власти, знал,

что меня поддержат комиссар и мой заместитель по разведке. Если мы пошлем Жору на смерть — никто не осудит нас. Партизаны, конечно, будут жалеть своего любимца, но они знают лесные законы.

Но разве только смертью карают виновного? Разве для того пошел в народные мстители юный Василек, чтобы погибнуть от своей пули? Ему бы жить и жить — мстить врагу за осквернение нашей земли. Разве думал о смерти от руки своего товарища бесстрашный Жорка Грузинов? Расстрелять человека легче всего, труднее его сохранить и снова сделать таким, каким он был раньше — честным, смелым, сильным.

Жору недавно приняли в партию, поэтому его судьбу должны были решить коммунисты.

На партийное собрание Грузинов явился внешне спокойным. Понятен был ход его мыслей. Вначале, когда я уличил Жору, судьба его зависела от нас троих. После короткого совещания мы могли поставить его перед строем и расстрелять. Он тогда испугался. А теперь другое дело: на собрание пришло много его личных друзей, все его знают и любят. Они не пошлют его на смерть, самое большое — выговор. Так думал Жора. Но не так думали коммунисты.

— Грузинов пользовался у нас большим уважением, любовью, неограниченным доверием. Он обманул нас, он не тот, за кого мы его принимали. Он преступник! — сказал первый выступивший коммунист.

— Законы леса для всех одинаковы. Будь он герой, будь рядовой или командир, если украд — наказание известно! — сказал другой.

— Нам тяжело, — сказал третий. — У нас есть люди, опухшие от голода. Мы экономим от своих пайков крохи, чтобы помочь ослабевшим, а Грузинов вырвал у них изо рта эти крохи. Нужно ли щадить такого человека?

Жора сидел, опустив голову. Выступали все коммунисты. Они говорили жестокие слова, но никто не вносил конкретного предложения. Тогда слово взял комиссар. Он сказал:

— Я не ошибусь, если скажу, что мы все, как один, резко осуждаем поступок коммуниста Грузинова и доверяем решить его судьбу командиру отряда. Слово имеет коммунист Македонский.

Не помню, что я тогда говорил, но досталось от меня

Жоре здорово. Я предложил вынести ему строгий выговор с предупреждением, а командирской властью наложил пять суток «дубового ареста».

Коммунисты согласились с этим предложением.

Утром Жора уже стоял у дуба. В лагере словно что-то изменилось. Люди ходили угрюмые, а проходя мимо дуба, старались не глядеть на арестованного. Сумно было и у меня на душе. Словно я потерял что-то дорогое и хожу, и стараюсь его найти, но не нахожу. То же, наверное, чувствовали и партизаны. Среди нас уже не было прежнего Жорки Грузинова.

Следующее утро началось в лагере с тревоги. Заставы сообщили, что по направлению к лесу движется большой отряд немцев. Вслед за сообщением мы услышали стрельбу: заставы вступили в бой. Отряд был поднят в ружье.

Услышав выстрелы, Жора преобразился. По его взгляду я чувствовал, что он ждет, чтобы его послали в бой. Но вот пробежала мимо дуба его группа, а я молчал. Жора резко повернулся лицом к дубу, сжал кулаки.

С заставы донесли: немцы залегли на опушке леса, ведут пулеметный огонь и устанавливают минометы. Принимаем решение — уходить в глубь леса, чтобы не попасть под минометный огонь, который гитлеровцы наверняка направят в наше расположение. Пока я отдавал необходимые распоряжения, совсем забыл про арестованного. И вот, когда партизаны уже начали отходить, я, пробегая мимо дуба, увидел Жору. Он стоял бледный как полотно. Жора понимал: если он был не нужен в бою, то тем более не нужен при отходе. Он пристально глядел на меня и ждал приказа. А приказ мог быть только один — пристрелить. Не будут же партизаны, отступая, таскать за собой арестованного...

Я подошел к часовому, охранявшему Грузинова, снял с его плеча автомат. Жорка понял это по-своему: он махнул рукой, крикнул: «Эх» — и выпрямился. Нет, смерти Грузинов не боялся.

Но тут я протянул ему автомат и крикнул:

— Беги в группу прикрытия!

А там, на опушке, все еще вела бой, прикрывая наше отступление, его группа. Жорка схватил оружие и рванулся туда...

И после того по лесу пошла новая легенда. Спустя

месяц я случайно услышал ее. Партизан из соседнего отряда рассказывал своему дружку:

— Ои, знаешь, какой — Жорка Грузинов! Его в отряде берегут и зря в бой не пускают. Понятное дело — лучшего разведчика во всем лесу не сыщешь. А ты думаешь, он сидит? Как начнется бой, он все равно из штаба убегает. Дает немцам концерты! Один раз командир за такое самовольство приказал Жорку арестовать. Сидит, стало быть, он под арестом и здорово переживает. А как же: рядом идет бой, немцы жмут, а ты сиди себе, как самый последний арестант. Вот немцы ставят минометы — тут уж, брат, жди раздолбая. Наши видят — не попрешь, и в глубь леса. Тут командир подходит к Жорке и говорит: «Иди, приглуши минометы». Тот сорвался с места, дружки за ним, и налетели они на минометную батарею, будто вихри, и оставили от нее рожки да ножки. Понял? Вот он какой, Жорка Грузинов!

«Что ж, — подумал я, — в рассказе почти все верно». Батарею минометов группа Жоры действительно уничтожила и нанесла немцам большой урон. Или, как выразился позднее сам Жора, «немцы имели тогда через нас массу неприятностей». Маленькая группа партизан дралась так, что сумела рассеять большой отряд гитлеровцев и без потерь возвратилась в отряд. Такое мужество, отвага достойны легенды.

Этот бой принес нам двойную радость — к нам возвратился прежний Жора Грузинов. Он снова завоевал любовь и уважение партизан и сам стал впоследствии боевым командиром отряда.

ЧАС РАСПЛАТЫ БЛИЗИТСЯ

Ноябрь 1943 года запомнился мне как месяц радостных событий, время бурного роста отрядов. Первого ноября радио сообщило: «На Перекопском перешейке наши войска стремительным ударом опрокинули противостоящие части противника, преодолели Турсецкий вал и прорвались к Армянску. Таким образом, пути отхода по сухе войск противника, расположенных в Крыму, отрезаны нашими войсками».

А спустя несколько дней, в канун 26-й годовщины Великого Октября, мы вместе с Москвой салютовали войскам, освободившим столицу Украины — Киев.